
РИТОРИКА И ПОЭТИКА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ: ИСТОРИЯ НЕУДАЧИ

Н. Ю. Алексеева

История работы Российской академии над риторикой и поэтикой, описанная М. И. Сухомлиновым, не привлекая к себе внимания исследователей, так и осталась на страницах его фундаментальной «Истории Академии Российской»¹. Равнодушие специалистов к этим академическим трудам объяснимо трудностью исследования того, чего по существу не было. Ведь ни риторике, ни поэтике Российская академия не подготовила. Отсутствие интереса связано также с общей недостаточной до настоящего времени разработанностью вопроса о теории словесного искусства XVIII – начала XIX века. Очевидно, что самый факт несоздания Российской академией риторики и поэтики характеризует не только Российскую академию, но и состояние теоретической мысли, или лучше, теоретических возможностей России последней четверти XVIII – первого десятилетия XIX века.

Неудача с созданием риторики и поэтики тем кажется значительней, что о работе над ними говорилось, начиная с той судьбоносной прогулки двух Екатерин, императрицы Екатерины II и кн. Е. Р. Дашковой, на которой впервые ими обсуждался вопрос о создании «русской академии» по образцу Французской². О создании русской риторики и «правил стихотворения» говорится и в уставе Российской академии³, представляющим собой эскиз проекта будущей Академии, набросанном Дашковой по приказу им-

¹ Сухомлинов М. И. История Российской Академии. СПб., 1898. Т. 8. С. 205–207, 420–424.

² Фрагмент «Записок» кн. Дашковой, в котором говорится об этой прогулке, впервые напечатал М. И. Сухомлинов (Там же. Т. 1. С. 12).

³ Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Т. 8. С. 426.

ператрицы и превращенном уже императрицей в устав⁴, и в речи Дашковой в торжественном собрании Российской академии в день ее открытия 21 октября 1783 года⁵. И в уставе, и в речи Дашковой создание риторики и поэтики понимается как одно из средств в достижении главной цели нового учреждения – «обогащения и очищения русского языка»⁶. Можно даже говорить, что Российская академия и была открыта для создания риторики и поэтики. Они упоминаются в одном ряду с составлением грамматики и словаря, и именно в такой неслучайной последовательности: в первую очередь – работа над грамматикой, затем – над словарем, уже затем – над риторикой и «правилами стихотворения», то есть поэтикой⁷. С первыми двумя задачами Российская академия хорошо или плохо справилась к 1802 году, когда был завершён выпуск пятитомного Словаря и выпущена грамматика⁸. Что помешало решению других двух задач? Этому вопросу и посвящена данная заметка.

Когда Е. Р. Дашкова в воодушевлении излагала императрице преимуществ академии, организованной по образцу Французской, и называла результаты возможной ее деятельности, она указала на риторику и поэтику, едва ли действительно осознавая их необходимость и сколько-нибудь представляя, какими они должны быть. Сделанные ею для императрицы наброски устройства Академии, легшие в основу устава, в главных своих пунктах повторяли задачи, поставленные В. К. Тредиаковским в 1735 году перед Российским собранием. Он тоже говорил о грамматике, лексиконе, риторике и «стихотворной науке»⁹. На сходство это обратил внимание и М. И. Сухомлинов, заметив, что речь Дашковой напоминает речь, произнесенную Тредиаковским 14 марта 1735 года на первом заседании Российского собрания¹⁰. Переключка их речей позволяет допустить мысль о чтении

⁴ Новая Академия «прежде всего должна “сочинить российскую грамматику, российский словарь, риторику и правила стихотворения”» (Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Т. 8. С. 4).

⁵ Там же. Т. 8. С. 2.

⁶ Там же. С. 425.

⁷ Там же. С. 426.

⁸ Словарь Академии Российской. СПб., 1794–1798. Т. 1–5; Российская грамматика. СПб., 1802.

⁹ Тредиаковский В. К. Речь, которую в Санктпетербургской имп. Академии наук к членам Российского собрания <...> говорил Василий Тредиаковский... СПб., печ. при Имп. Акад. наук, 1735. С. 8.

¹⁰ Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Т. 1. С. 13–14.

Дашковой при составлении своей речи Тредиаковского¹¹, что в контексте отношения к нему екатерининского двора само по себе заслуживает внимания. Однако если в 1735 году о составлении риторики и поэтики говорить было вполне актуально (риторика через восемь лет была написана Ломоносовым)¹², то в 1783 году план их создания требовал по крайней мере пояснений. Их не было. Как можно понять из более поздних документов, связанных с работой над риторикой и поэтикой, документов, относящихся уже к 1801–1802 годам, когда наконец приступили к осуществлению намеченного некогда плана, оба труда должны были быть не школьными руководствами, но достойными «чести Российской Академии», то есть трудами учеными. Однако, что под этим подразумевалось, остается неизвестным.

Между тем, потребность именно в школьных руководствах по теории словесности и поэзии весьма остро ощущалась как раз в канун создания Российской академии. Об этом свидетельствует, например, изданная в 1776 году в типографии Московского университета риторика Иоганна Фридриха Бурга “*Elementa oratoria*”¹³. Издание было осуществлено с бреславского издания руководства на латинском языке¹⁴. Затем вскоре последовал ее перевод на русский язык, выполненный Н. Н. Бантышем-Каменским¹⁵. В 1760-е годы в Академическом университете преподавали риторику по латинскому же руководству Иоганна Антуана Эрнести “*Initia Rhetorica*”, впервые изданному в 1730 году в Лейпциге¹⁶. Таким образом, преподавание латинской риторики было обеспечено немецкими руководствами, преподавание русской осуществлялось, по-видимому, по конспектам учителей и не могло опираться ни на какое признанное пособие. Когда в 1778 году

¹¹ Речь Тредиаковского могла ей быть известна по ее переизданию: *Тредиаковский В.* Сочинения и переводы как стихами, так и прозою. СПб., 1752. Т. 2. С. 5–19.

¹² «Краткое руководство к риторике» (*Ломоносов М. В.* Полн. Собр. Соч.: В 11 т. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 19–79) было написано в 1743 г. и явилось первой неизданной редакцией «Краткого руководства к красноречию», вышедшего в 1748 г.

¹³ *Burgii Elementa oratoria ex antiquis atque recentioribus facti praeceptorum delectu tironibus eloquentiae ab imis principiis ac fundamentis sensim...* Edidit N. Bantisch-Kamensky. M., typis imper. Mosq. Univers., 1776.

¹⁴ *Burgii Orationes gymnasticae, cum ipse olim munus professoris theologiae primorii...* Vratislavi, 1768.

¹⁵ Русский перевод был сделан издателем латинского оригинала Н. Н. Бантышем-Каменским: Латинская грамматика в пользу российского юношества тщательно и ясно расположенная и с переводом российским изданная коллежским асессором Николаем Бантышем-Каменским. [М.], тип. Моск. Ун-та, 1 сент. 1779 (2-е изд.: 1781; 3-е изд.: 1783; 4-е изд.: 1798).

¹⁶ *Степанов В. П.* Козицкий Г. В. // *Словарь русских писателей XVIII века.* Вып. 2. СПб., 1999. С. 94.

Амвросий Серебренников создал, наконец, «Краткое руководство к оратории российской...», он в предисловии к нему имел все основания сказать: «Сколько обильно снабдены мы романами и другими маловажными сочинениями, столь напротив мало до наук относящимися и тем менее самыми системами их <...> так что надобно на чужом языке с великою трудностью почти всему обучаться. А те, кои сих средств лишаются, принуждены или против воли быть незнающими, или от чужих уст зависеть, дабы некоторое иметь просвещение...»¹⁷. Риторика Амвросия явилась второй русской риторикой после труда Ломоносова 1743–1748 годов. Их различие состоит в том, что риторика Амвросия обращена к юношеству, преследует учебные цели и никаких отвлеченных вопросов не касается, тогда как «Краткое руководство к красноречию» Ломоносова представляет собой ученый труд о словесном искусстве. Таким образом, к моменту основания Российской академии вышло всего две русские риторики в 1748 и в 1778 годах. По-видимому, новая Академическая риторика должна была по своему типу приближаться к риторике Ломоносова, то есть к ученой риторике. Однако имя Ломоносова в связи с планируемой риторикой и даже при начальной стадии ее подготовки в документах не упоминается. Лишь Иван Голенищев-Кутузов высказал упование, что в академической риторике «риторика славного в российском слоге и стихотворстве мужа Ломоносова принята будет во внимание»¹⁸. Само забвение «Краткого руководства к красноречию» в Российской академии вполне, кажется, характеризует уровень теоретической мысли Российской академии. Напрашивается вопрос, осознавала ли хоть сколько-нибудь Е. Р. Дашкова, когда предписывала Академии создание риторики, что по-настоящему ученая (академическая) риторика в России уже есть, или она считала, что риторика Ломоносова устарела? Скорее всего, в благом пылу она вообще о риторике не думала.

Не менее остро, чем в риторике, ощущалась в 1770-х – начале 1780-х годов потребность в школьной поэтике. Так, изданные в 1774 году «Правила пиитические» Аполлоса Байбакова сразу оказались востребованы. В 1780 году вышло второе их издание, затем к 1802 году они еще пять раз переиздавались¹⁹. А между тем, далекие от совершенства, они по существу были не правилами «пиитическими», а правилами стихотворческими, или версификационными, и представляли собой сокращенную и упрощенную

¹⁷ Краткое руководство к оратории российской, сочиненное в Лаврской семинарии, в пользу юношества, красноречию обучающегося. М., унив. тип. 1778. С. 1.

¹⁸ Письмо И. Л. Голинищева-Кутузова А. А. Нартову от 10 октября 1801 (ПФА РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 4. Л. 175).

¹⁹ [Аполлос Байбаков]. Правила пиитические... Изд. 6-е. М., 1801.

редакцию «Способа к сложению российских стихов» 1752 года Третьяковского, который в настоящем смысле поэтикой не был, а был руководством по стихосложению. Замечательно, что немногочисленные русские теоретические статьи о поэзии и поэтические руководства 1780–1790-х годов касались преимущественно или исключительно вопросов версификации, а не столь же обязательной части поэтик – теории жанров. Характерна в этом отношении позиция В. С. Подшивалова, прямо заявившего в своей «Краткой русской просодии»: «Мы не входя здесь в сущность ея [поэзии – Н. А.], не разбирая, что такое ода, идиллия, элегия, комедия, трагедия, эпопея и проч., займемся только языком...»²⁰. С переходом к новой версификации, совпавшим с началом нового в русской литературе направления классицизма, русские юноши имели возможность научиться технике стиха, а не теории поэзии. В искажении характерной для поэтик гармонической соотношенности вопросов стиха и поэзии можно увидеть следствие произведенной в 1734–1739 годах реформы стиха, однако, если исходить из опыта других поэтических культур, переживших реформу стиха, например немецкой²¹, этого объяснения будет недостаточно²². Российская академия, задумывая создание риторики и поэтики, в последнюю очередь думала о потребностях школ и университетов²³, но также, кажется, мало и о научных задачах. Из всех сказанных на собраниях Российской академии в 1801–1802 годах слов о намечаемых трудах очевидно, что ею руководило исключительно честолюбие.

Первые слова о риторике и поэтике после проекта, устава и речи Дашковой в 1783 году были произнесены спустя почти 20 лет А. А. Нартовым в июле 1801 года. Считая, что работа Российской академии в целом идет успешно (издан словарь, готовится второй его выпуск, почти закончена грамматика), он напомнил членам Российской академии об уставе и обязанности Российской академии подготовить риторiku и поэтику. На собрании 13 июля 1801 г. написание риторики было поручено Н. Я. Озерецковскому, которому в его работе должны были помогать его брат обер-

²⁰ Подшивалов В. С. Краткая русская просодия или правила, как писать русские стихи. Изданы для воспитанников благородного университетского пансиона. М., 1798. С. 7–8.

²¹ Markwardt B. Geschichte der deutschen Poetik. Leipzig, 1931. Bd. 1. S. 96–136.

²² Начальная попытка объяснения этого явления дается в книге: Алексеева Н. Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII вв. СПб., 2005. С. 175–176.

²³ Замечательны в этой связи слова И. И. Лепехина о том, что Академия в работе над риторикой не должна следовать «школьным забобонам» и готовить ее «не в образе детского к красноречию руководства, но в качестве мужественного к оному наставления» (Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Т. 7. С. 205).

священник Павел Озерецковский и Ярославский архиепископ Павел Пономарев. На том же собрании было решено, что Н. Я. Озерецковский подготовит план риторики, который собрание и обсудит. Действительно, уже 17 августа Озерецковский представил в Российскую академию так называемое «расположение», то есть план, или оглавление, будущей риторики. По плану Озерецковского риторика должна была состоять из двух частей, первая из которых насчитывала 8, а вторая 19 глав. «Расположение» Озерецковского несколько не походило на школьные (латинские) риторики, создававшиеся в Московско-славяно-греко-латинской академии и в русских семинариях, и явно принадлежало иной традиции. Неспешно и с присущей в ту пору Российской академии важностью это «расположение» обсуждалось ею в течение более месяца, с 17 августа по 25 сентября. Разосланное всем членам Российской академии, оно было предложено и им на отзыв. Однако отзывов на «расположение» Озерецковского поступило всего пять. Среди них заслуживает внимание отзыв Иоанна Красовского. Каким-то образом он на основании плана Озерецковского понял, что его риторика «может служить только для начинающих учиться риторике детей», тогда как «риторика от Российской Академии <...> должна быть ею обработана не во образе детского к красноречию руководства, но в качестве мужественного к оному наставления» и предложил свой план, воспроизводящий традиционные для русских риторик планы, а именно «разделение риторики на три части, то есть изобретений, расположений и изречений [т. е. произнесенных – Н. А.]»²⁴.

С чрезвычайным апломбом высказался о «расположении» Озерецковского сам президент Российской академии Нартов. Начав с рассуждения, представляющего собой общее место, восходящее к Аристотелю, о том, что вития подобен строителю, он вслед за тем изложил, кажется, все имеющиеся у него знания по предмету, которые свелись к элементарному и тоже, как у Красовского, вполне традиционному плану: «изобретение, расположение, украшение и произношение»²⁵.

Наиболее трезво и по существу высказался о «расположении» Озерецковского С. Я. Румовский. Он не рассуждал о том, что есть вития и что есть риторика, а только заметил, что все «расположение» Озерецковского почерпнуто им «из Бургиевой риторики, изданной при московском университете в 1776 году...»²⁶. Действительно, Озерецковский, как явствует из запи-

²⁴ ПФА РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 4. Л. 148–149.

²⁵ Там же. Л. 139–139 об.

²⁶ Там же. Л. 167.

си в журнале Российской академии, 13 июля, то есть в тот самый день, когда ему было поручено составление «расположения», взял «на время из книгохранилища Российской академии “Burgii elementa oratorii”»²⁷ и попросту перевел латинское оглавление на русский язык.

«Расположение» Озерецковского было отвергнуто, а вместо этого на собрании 25 сентября 1801 года было предложено подготовить риторику по «расположению, предложенному президентом Нартовым». Однако Озерецковский, заявив, что «поелику риторики, сочиненные г. Ломоносовым и Амвросием, расположены точно сим же порядком и не надеясь сочинить такую риторику, которая бы изяществом своим превосходила оные, от участия в сем труде»²⁸ отказался. Вместе с Николаем Яковлевичем от работы над риторикой отказались и обер-священник Павел Озерецковский, и архиепископ Ярославский и Ростовский Павел. Не высказав по этому поводу сожаления, собрание тогда же поручило составление риторики Петру Ивановичу и Дмитрию Михайловичу Соколовым²⁹. По мнению М. И. Сухомлинова, на этом история создания академической риторики и закончилась, поскольку Соколовы, взявшись за дело, свели его на нет³⁰. Однако протоколы собраний Российской академии свидетельствуют, что Соколовы уже 2 ноября представили «начертание» «введения и первой главы “О изобретении”» российской риторики³¹, которые в собрании обсуждались и были одобрены, а 16 ноября ими была представлена вторая часть, тоже обсужденная и одобренная³². Такая скорость в подготовке академической риторики, которая, по общему мнению, должна была быть «подобной тому, как из древних оставили нам Цицерон и Квинтилиан, а из новейших Ернести и др. риторы»³³, не может не смутить. Едва ли Соколовы за месяц могли подготовить подлинно ученый труд. Скорее, они воспользовались уже каким-то готовым трудом, приспособляя его к поставленной перед ними задаче. Но каким именно, судить нет возможности, поскольку никаких следов подготовленных ими двух частей риторики не сохранилось. В архиве Российской академии хранятся, правда, две части риторики, переведенные с неизвестной французской риторики. В них приведены примеры, взя-

²⁷ Там же. Л. 91 об.

²⁸ Там же. Л. 170.

²⁹ Там же. Л. 159 об.

³⁰ Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Т. 8. С. 206.

³¹ ПФА РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 4. Л. 186.

³² Там же. Л. 195.

³³ Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Т. 8. С. 205.

тые из французской литературы, предлагаемые на французском языке с подстрочным русским переводом. По своему содержанию эти две части соответствуют «введению» «изобретению» и «расположению», то есть частям риторики, представленным Соколовыми. Однако не стоит, кажется, спешить с заключением, что это и были оригиналы частей риторики Соколовых. Обе части французской риторики написаны почерком, не принадлежащим ни Петру Ивановичу, ни Дмитрию Михайловичу Соколовым. Независимо от того, насколько части риторики Соколовых зависели от сохранившегося в архиве перевода французской риторики, есть основания полагать, что этот перевод делался в период времени, близкий к «работе» Российской академии над риторикой, то есть осенью 1801 года, поскольку затем о создании академической риторики уже не вспоминалось.

Примерно так же обстояли дела и с созданием академической поэтики. История ее ненаписания, довольно подробно изложенная Сухомлиновым, сводится к тому, что сначала на собрании 13 июля 1801 года ее просили написать М. М. Хераскова, который отказался, сославшись на лета, назвав при этом труд написания поэтики «трудом неважным», т. е. несложным. Затем 26 декабря 1801 года обратились с той же просьбой к И. Ф. Богдановичу³⁴, представившему осенью 1802 года составленный им план. В нем значатся пять частей, из которых первая «содержит понятия о усовершенствовании слова в пространным смысле, вторая – о поэзии словесной российской, третья – о поэзии гармоничной российской, четвертая – о музыке поэтической, пятая – о сочетании поэзии с музыкою»³⁵. Оставленный Богдановичем план, хотя и представляет интерес как след размышлений о поэзии поэта, к поэтике не имеет отношения и столь загадочен, что кажется безумным. Вскоре, в начале января 1803 года Богданович умер, и как будто предчувствуя его скорый уход, еще 1 февраля 1801 года с просьбой о написании поэтики Российская академия обратилась к Д. И. Хвостову. С готовностью откликнувшись, он вскоре представил свой план. Примечательно, что, по его мнению, в России уже имелось две поэтики: труд Третьяковского (имеется в виду «Способ к сложению российских стихов» 1752 года, который, как уже говорилось, поэтикой не является) и «Правила пиитические» Аполлоса Байбакова. Первый из них как «лучший» Хвостов предлагал снабдить новыми примерами и переиздать. Вместе с тем он набросал свой план «полной российской пиитики», который должен, по его мнению, «закключать главы “о древности стихотворства – о его превосходстве – о его

³⁴ ПФА РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 4. Л. 208 об.–209.

³⁵ Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Т. 7. С. 47.

существо – о источнике, отколе почерпаются богатства изящного стихотворства, – о способности русского языка пред многими для сочинений стихотворных – о разных родах слова”³⁶. Дальше плана Хвостов, надо полагать, не пошел. Академическая поэтика, как и академическая риторика, так и не была создана.

Неудачу Российской академии в подготовке риторики и поэтики, странность сохранившихся от них начертаний и всего хода ведущейся работы можно объяснить легкомыслием и недобросовестностью лиц, которым было поручено дело, или косностью Академии в организации работы. В целом такое понимание, к которому склоняется М. И. Сухомлинов³⁷, видимо, справедливо. Однако сама леность и недобросовестность членов Академии выступают, скорее, не причиной вялотекущей работы, а следствием более глубоких причин, о которых сами они не могли иметь представления.

Всем участникам, как бы сказали сегодня, проекта риторики и поэтики эти труды казались естественным оплотом процветания литературы, ведь мыслили они литературу в русле традиционного ее понимания, основанного на теории словесного творчества, закреплённой в риториках и поэтиках. В начале XIX века такое понимание уже вступало в противоречие с новым предромантическим пониманием, при котором теорию все более теснила история литературы, а место казавшихся еще недавно незыблемыми правил все увереннее занимал «гений». При этом во Франции, Германии и Англии, откуда в Россию шли эти новые романтические веяния, риторики и поэтики продолжали создаваться вплоть до 1830-х годов, и на них продолжало основываться литературное образование. Поэтому неверно было бы думать, что задача создания риторики и поэтики была задачей заведомо рутинной, не отвечавшей духу времени и развитию литературы. Это так только в самом общем виде, при взгляде на развитие литературы из отдаленного временем пространства. В действительности же даже самые смелые умы начала XIX века не могли еще оценить, что риторика и поэтика – знаки вчерашнего дня в истории литературы, что будущее русской поэзии за созданным в 1806 году «Вечере» Жуковского и что время старой литературной культуры, а вместе с нею Хераскова, Богдановича и Хвостова невосвратно ушло. Пример Запада, даже если он и был известен членам Академии, не мог их в этом убедить. Ведь там риторика была еще в чести. Стало быть, причина неспособности Российской академии создать риторику и поэтику

³⁶ Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Т. 7. 53.

³⁷ Там же. Т. 8. С. 206.

заключена не в историческом моменте вообще, выпавшем на совершение этого труда (историческое объяснение справедливо только в общих своих основаниях), а в преломлении общего хода развития литературы в России.

Перед нами специфически русская проблема, и надо постараться не подпасть под соблазн легкомысленного ее решения, которое обычно сводится к указанию на общую отсталость русской науки или, напротив, на сверхспособность русских людей к быстрому усвоению чужих идей и опережению прогресса. Оба объяснения только видимые, уводящие в сторону, потому что в конце концов отсталость или сверхспособность также должны бы иметь свои причины. Скорее, здесь дело в общем отношении к теории словесности, проявленном в России во вторую половину XVIII века. Ведь кроме Третьяковского и Ломоносова, ни один из новых авторов за весь век не оставил сколько-нибудь значительного сочинения по теории литературы, и едва ли это может быть объяснимо случайностью. Конечно, большая часть поэтов и писателей второй половины XVIII века не получили старинного образования, обязательной частью которого была риторика и поэтика, и в этом, вероятно, и заключена главная причина отсутствия в России теории словесности. Однако они, в большинстве своем, как видно, не стремились восполнить пробел самообразованием, что было бы обязательным, если бы теория словесности для них была бы необходима. Вполне довольствуясь общими отрывочными знаниями риторики и поэтики, почерпнутыми из несистематического чтения французских и немецких статей и руководств, они как-то использовали их, не размышляя о самой теории специально. Даже Сумароков, для которого теория литературы еще была по примеру его старших современников, Третьяковского и Ломоносова, обязательной частью творчества, ею явно не владел, и трудно увидеть более или менее четкие теоретические основания в его литературно-критических статьях. Стоит ли удивляться представлениям о поэтике Богдановича или Хераскова, когда они в течение сорокалетнего или полувекового творчества не высказали ни одной теоретической мысли. Российская академия вынуждена была обращаться с просьбой о написании поэтики к поэтам, не имевшим об этом предмете представлений. Других поэтов в России не было.

Но и духовенство, на которое еще в момент основания Российской академии в связи с предстоящими трудами по теории языка и словесности возлагали большие надежды³⁸, ученое духовенство, владевшее теорией

³⁸ Еще в 1783 году И. П. Елагин обратился к митрополиту Гавриилу, чтобы тот рекомендовал для составления «всех правил, до словесных наук принадлежащих» пятерых кандидатов из духовного звания. Так членами Академии стали Иван Сидоровский, Георгий Покорский,

словесности, этих надежд не оправдало. Хотя в работе над академической грамматикой наряду с Д. М. и П. И. Соколовыми участвовал Иоанн Красовский, а в работе над риторикой Н. Я. Озерецковскому должны были помогать обер-священник Павел Озерецковский и Ярославский архиепископ Павел Пономарев, подлинных ученых теоретиков, подобных, скажем, Феофану Прокоповичу, в ту пору уже не было и среди духовенства. Как и Амвросий Серебрянников, они были способны лишь воспроизводить чужие труды, тем самым их выхолащивая. Тут дело не в мере таланта и образования ученого духовенства рубежа веков, а в том, что замкнувшаяся в Московской академии и семинариях старая теория слова ориентировалась по образцу старых руководств на теорию латинской речи и, мало соприкасаясь с живой русской поэзией и прозой, обрекала себя на консервацию и омертвление. Именно поэтому новые поэты второй половины XVIII века и избегали вопросов риторики и поэтики, что видели в них знаки схоластической теории, а в литературе, которую эта теория утверждала, бесконечно устаревшее в их глазах прошлое. Произшедший еще в 1740-е годы разрыв литературной культуры на старую и новую, разрыв, обоснованный лучшими теоретиками русской литературы если не за всю ее историю, то за весь XVIII век, Третьяковским и Ломоносовым, привел к уникальной ситуации русского классицизма. Классицизм, один из самых теоретически обеспеченных периодов в развитии литературы, в России оказался теоретически беспомощным. Русские классицисты, полностью разорвавшие связи с предшествовавшей им литературой барокко, а вместе с нею и с традиционной теорией поэзии, создавали свои произведения на основании интуиции и прямого подражания. И в этом они оказывались ближе к древнерусскому типу творчества, основанному на так называемой *slavia orthodoxa*, чем их предшественники. А в то же время преувеличенное значение интуиции в сравнении с европейским классицизмом приближало их к романтизму. Почти полное отсутствие в России собственной теории классицизма должно было сказаться на дальнейшей судьбе русской литературной мысли. Не потому ли наша литературная критика в лучших своих достижениях в продолжение долгого времени носила общественный, а не эстетический характер?

Неумение Российской академии создать риторику и поэтику свидетельствует о кризисе старой теории литературы, наиболее ярко, кажется, проявившемся в России. В конце XVIII века и в первые годы XIX века этот кризис не усилился, а наконец проявился, и отрицательный опыт Россий-

ской академии один из характерных его симптомов. Потом, с конца 1800-х годов, во множестве появляются риторика и поэтика, написанные преподавателями этих дисциплин³⁹. Само их появление стало возможным в результате увлечения русскими авторами идеями французского и немецкого предромантизма, оживившими на время старую теорию литературы.

³⁹ Вот только некоторые из них: *Никольский А. С.* Основания российской словесности. Изданы при гос. адмиралт. департаменте. Для морских училищ. СПб., 1807; *Мерзляков А. Ф.* Краткая риторика, или Правила, относящиеся ко всем родам сочинений прозаических. М., 1809; *Левитский И. М.* Курс российской словесности для девиц, содержащий в себе: риторику, основания стихотворного искусства, историю российской словесности с биографиею писателей, в оной прославившихся, и славянскую мифологию, сравненную с греческою. В 2-х ч. СПб., 1812; *Рижский И. С.* Наука стихотворства. СПб., 1811. С этим рядом может быть соотнесено и «Рассуждение о лирической поэзии» (1811) Г. Р. Державина, которое возникло на волне увлечения теорией поэзии и, определенно, не могло бы явиться в начале 1800-х годов.